

УДК / UDC 94(47)

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-8-19

Встреча императора Петра I и калмыцкого хана Аюки на Волге в 1722 г.: мифы и реальность

Владимир Толтаевич Тепкеев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-4140-8358. E-mail: tv75@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Тепкеев В. Т., 2022

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена одной из малоизвестных, но ярких страниц в истории Калмыцкого ханства — встрече российского императора Петра I и калмыцкого хана Аюки на Волге в 1722 г. Тема эта сегодня не только актуальна, но и весьма интересна, если учесть, что источников личного характера, которые в той или иной мере затрагивали это событие в письменных воспоминаниях, не так много, и они часто противоречат друг другу. *Цель статьи* — обретение ясности в вопросе исторической встречи Петра I и калмыцкого хана на основе малоизвестных источников личного характера. Источниковой базой послужили материалы непосредственных участников и очевидцев встречи Петра I и калмыцкого хана Аюки: «Походный журнал 1722 г.» Петра I, путевые записи шотландского врача на русской службе Дж. Белла, переводчика с калмыцкого языка В. М. Бакунина и записи гидрографа и навигатора Ф. И. Соймонова. *Результаты.* Изучив источники личного характера XVIII–XIX вв., можно сказать, что они часто противоречат друг другу, а свидетельства очевидцев встречи Петра I и хана Аюки требуют более тщательного исследования. Источники личного характера XVIII–XIX вв. не дают нам ответы на многие вопросы, а зачастую порождают новые и создают сложности в правильной реконструкции исторической встречи в 1722 г. Источниковая база весьма обширна и требует более тщательного исследования. В первую очередь это касается архивных документов, которые могут значительно дополнить сведения об этом событии и поставить окончательную точку в расхождении различных фактов в этом вопросе.

Ключевые слова: Калмыцкое ханство, калмыки, Петр I, Аюка, Саратов, русско-калмыцкие отношения

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Тепкеев В. Т. Встреча императора Петра I и калмыцкого хана Аюки на Волге в 1722 г.: мифы и реальность // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 1. С. 8–19. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-8-19

The 1722 Meeting of Emperor Peter the Great and Kalmyk Khan Ayuka on the Volga: Myths and Reality

Vladimir T. Tepkeev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-4140-8358. E-mail: tv75@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Tepkeev V. T., 2022

Abstract. Introduction. The article deals with an understudied — though essential — episode in the history of the Kalmyk Khanate — the 1722 meeting of Peter I of Russia and Khan Ayuka of Kalmyks on the banks of the Volga. The issue proves not only topical but is also as interesting since personal written memoirs to have somewhat covered the event are scarce enough, even the latter often being controversial. **Goals.** The article analyzes little known private materials to attempt a clarifying insight into the actual historical circumstances of the meeting. The former are accounts of those to have attended and witnessed the event, such as the Operations Record Book of the 1722 Campaign by Peter the Great, travel notes of J. Bell (a Scotch physician in the Russian imperial service), Kalmyk-to-Russian translator V. Bakunin, and reports by hydrographer and navigator F. Soimonov. **Results.** The examination of the mentioned private 18th–19th century sources shows those often contradict each other, and eyewitness accounts need further detailed investigation. Unfortunately, such private sources dated to the 18th and 19th centuries provide no clear answers to multiple questions but rather tend to give rise to new ones and complicate any historical reconstruction of the 1722 meeting. However, the source base is extensive enough and requires meticulous analysis. Most significantly, those are archival documents that may contain additional details and put an end to arguments over the revealed controversial facts.

Keywords: Kalmyk Khanate, Kalmyks, Peter the Great, Khan Ayuka, Saratov, Russian-Kalmyk relations

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Tepkeev V. T. The 1722 Meeting of Emperor Peter the Great and Kalmyk Khan Ayuka on the Volga: Myths and Reality. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(1): 8–19. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-8-19

Введение

Эпоха правления калмыцкого хана Аюки (1672–1724 гг.) полна яркими и важными политическими событиями, к которым можно отнести и его встречу на Волге с российским императором Петром Алексеевичем в 1722 г. В 2022 г. будет отмечаться ровно 300 лет этому историческому событию. Тема эта сегодня не только актуальна, но и весьма интересна, если учесть, что источников личного характера, которые в той или иной мере затрагивали это событие в своих письменных воспоминаниях, не так много, и они часто противоречат друг другу. Поэтому цель данной статьи — это обретение ясности в вопросе исторической встречи Петра I и калмыцкого хана Аюки на основе источников личного характера.

В историографии эта тема не нашла должного исследования, однако можно отметить работу Н. Н. Пальмова, который посвятил целый параграф вопросу участия калмыков в Дербентском походе [Пальмов 1929: 94–114].

Несмотря на актуальность, в современной историографии эта тема, к сожалению, также недостаточно изучена. Большинство исследователей лишь повторило в своих работах известные данные Дж. Белла, В. М. Бакунина и использовало источники историко-литературного характера без критического их анализа [Шовунов 1992; Батмаев 1993; Митиров 2002; Цюрюмов 2005; Тепкеев 2018].

Встреча российского императора и хана Аюки произошла дважды: в Саратове и Черном Яре, во время Дербентского похода, который проходил в рамках Персидской (Каспийской) военной кампании русской армии под командованием Петра I в 1722 г. В Персидской кампании российское командование нуждалось в достаточном количестве мобильной конницы, которая могла бы успешно действовать против неприятеля в степном Предкавказье. Именно решение вопроса участия калмыков в этой кампании для Петра I было необходимым перед личной встречей с ханом Аюкой.

Материалы и методы

Первыми источниками, затрагивавшими тему встречи Петра I и хана Аюки в 1722 г., были сочинения В. М. Бакунина [Бакунин 1995], Дж. Белла [Bell 1763; Белль 1896] и Ф. И. Соймонова [Соймонов 1763].

Ключевым источником для данной работы послужил «Походный журнал 1722 года», который был составлен в середине XIX в. на основе дневниковых записей Петра I [Походный 1855]. Оригинал этого источника хранится в Российском государственном историческом архиве. Большинству исследователей хорошо знакомы и путевые заметки шотландского врача на русской службе Джона Белла, причем в данной работе использовался этот источник как в оригинале [Bell 1763], так и в переводе на русский язык [Белль 1896].

Сопоставление этой работы с другими источниками того времени дало существенный материал для серьезного корректирования тех данных, которые ранее безоговорочно использовались многими калмыцкими историками в освещении этой темы. Данная тема в дальнейшем требует более тщательного и внимательного исследования с привлечением новых архивных данных, особенно материалов «Калмыцких дел», хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи. Достоверность представленных сведений проверялась путем выявления их происхождения, сравнения и сопоставления с другими источниками личного характера, содержащими похожую информацию.

К вопросу о датировке

Один из первых вопросов, в который нужно внести ясность, остается определение точной даты первой встречи Петра I с ханом Аюкой под Саратовом. В. М. Бакунин, современник тех событий, к сожалению, не был непосредственным очевидцем данной встречи, и поэтому он лишь пространно сообщает, что она прошла в «летнее время» [Бакунин 1995: 35].

К. П. Шовунов в своей работе указывает датой встречи 13 мая [Шовунов 1992: 24]. В «Походном журнале» вполне четко говорится, что военная флотилия российского императора прибыла по Волге в Саратов рано утром 13 июня, и в этот же день состоялась историческая встреча, после которой Петр вечером отбыл далее [Походный 1855: 42–45].

Принципиально другая дата отражена в другом источнике — путевых записках Джона Белла, очевидца, который указывает, что российский император в Саратов прибыл 20 июня, а встреча его с ханом Аюкой произошла только на следующий день, т. е. 21 июня [Bell 1763: 331; Белль 1896: 230]. Как мы увидим далее, в этих двух источниках фактические расхождения продолжатся, но мы все-таки склоняемся к датировке более достоверного, на наш взгляд, источника — «Походного журнала». Историческая встреча Петра I и хана Аюки произошла 13-го июня, а по новому стилю — 24 июня.

Встреча под Саратовом

Согласно «Походному журналу», Петр I с утра посетил саратовского обер-коменданта Василия Пахомовича Беклемишева, а затем до обеда пребывал в местной соборной церкви. Когда царь пребывал у воеводы, его посетил приехавший в Саратов посланник хана Аюки — Асан Шалеев. Он передал ханское письмо, в котором Аюка поздравил императора и выразил желание с ним лично встретиться. Ставка хана находилась на левом берегу, в десяти верстах от Волги, где он располагался с небольшим количеством калмыков [Походный 1855: 42].

Присутствие хана Аюки на левом берегу Волги, в окрестностях Саратова, в это время года было неслучайным. Практически ежегодно калмыцкие улусы со скотом и лошадьми поднимались из Нижнего в Среднее Поволжье, где у них располагались летние пастбища. Осенью, ближе к зиме, калмыки уходили на зимние пастбища, расположенные между Царицыном и Астраханью, или еще южнее — в район Мочагов и степного Предкавказья. Кроме того, у Аюки были очень доверительные отношения с предыдущим саратовским комендантом — Дмитрием Ефремовичем Бахметьевым, который незадолго до этого был арестован за коррупцию и контрабанду. Во время летней кочевки на левом берегу, напротив Саратова, располагался калмыцкий базар, где саратовцы и калмыки вели взаимовыгодный обмен и торговлю.

Петр I обедал на своей галере, и в это время, в первом часу пополудни, к нему с визитом прибыли ханский сын Церен-Дондук и внук, один из сыновей покойного Чакдорджаба (возможно, Досанг). Приняв от них поздравления, государь отправил их к Аюке, чтобы тот прибыл к нему для встречи. С этой целью император приказал отправить на левый берег для переправки хана свою личную полубаржу, накрытую красным сукном, а для его сопровождающих несколько шлюпок и вереек (лодок) [Походный 1855: 42–43].

В третьем часу пополудни хан Аюка в сопровождении сына Церен-Дондука, внука и десяти сопровождающих прибыл на галерею Петра I. При встрече произошла довольно любопытная сцена между двумя правителями, знавшими друг друга всю жизнь только заочно: «Его Величество помянутого Хана изволил принять изрядно и поцеловал его в голову, а Хан поцеловал руку Его

Величества». Прибывшая калмыцкая делегация также была представлена и присутствовавшей здесь же императрице Екатерине Алексеевне [Походный 1855: 43].

Петр I посадил на стул напротив себя престарелого хана Аюку и вел с ним долгий разговор, содержание которого в «Походном журнале», к сожалению, не отражено. Известно только, что «между прочими разговорами он, Хан, подвергал себя вечно пребывать в протекции Его Величества и в постоянной вечной службе, и представлял свидетеля тому Ея Величества Государыню Императрицу» [Походный 1855: 43].

Со своей стороны император «свидетельствовал ему, Хану, Свою к нему милость, ежели он всегда в постоянной услуге пребудет, и потчивал его, а также сына его, и внука и служителей, разными питьями довольно» [Походный 1855: 43].

В. М. Бакунин утверждает, что Аюка просил императора не оставить после смерти его семью, а также утвердить преемником на ханский престол сына Церен-Дондука [Бакунин 1995: 35].

Дж. Белл, прямой очевидец, дает более развернутое представление об облике Аюки и некоторых подробностях его разговора с императором. Калмыцкого хана он характеризует в целом весьма положительно: «Аюка-хан — старик лет семидесяти, но все еще крепок и веселого нрава. Он обладает большой мудростью и благоразумным поведением, пользуется большим уважением у всех своих соседей за свою честность и прямолинейность. И я помню, что, когда я был в Пекине, китайский император отзывался о нем с похвалой. По своему многолетнему опыту он очень хорошо знаком с делами на Востоке» [Bell 1763: 332; Белль 1896: 231].

Далее Дж. Белл сообщает, что император якобы намекнул хану Аюке («The Emperor intimated to the Ayuka-chan») о целесообразности того, чтобы его в Персидском походе сопровождала 10-тысячная калмыцкая конница. Правитель калмыков («King of the Kalmucks») ответил, что они всегда находятся на службе у императора, но он думает, что половины этого числа будет более чем достаточно для выполнения всех его задач. Хан немедленно приказал 5-тысячной коннице срочно выдвигаться из улусов, чтобы соединиться с императорской русской армией у Терков. Скоротечность переговоров и ее положительный результат весьма впечатлили шотландского врача на русской службе, и в своих воспоминаниях он оставил следующую запись: «Стоит отметить, что этот договор между двумя могущественными монархами был начат, продолжен и заключен в меньший срок, чем это обычно бывает, когда уполномоченные наших западноевропейских монархов устраивают обед» [Bell 1763: 333; Белль 1896: 231].

Описание шотландским врачом встречи вызывает вопросы в отношении статуса калмыцкого хана в имперской иерархии. По мнению Д. А. Сусеевой, Дж. Белл считал, что «именно император с первых мгновений встречи, в нарушение правил придворного этикета „царь и его подчиненный“, демонстративно показал окружающим, что он встречает хана как почетного гостя, а сам себе отвел роль радушного хозяина» [Сусеева 2003: 229].

По мнению Н. Н. Пальмова, Аюка, снизив вдвое численность предоставляемой калмыцкой конницы, вероятно, подразумевал их высокие боевые качества [Пальмов 1929: 95]. Но могла быть и другая причина отказа Аюки, вызванная как падежом лошадей в зимнее время, так и намечавшейся военной угрозой со стороны восточных кочевых народов. Безопасность калмыцких кочевий оставалась всегда актуальной, особенно в военный период [Тепкеев 2018: 17].

Встреча на императорской галере длилась примерно два часа. Государь пожаловал хану за взятие неприятельских городов 12 золотых медалей, «тишенных персоною Петра I», каждая из них стоимостью в 20 червонных, таких же медалей удостоились ханские сын и внук [Походный 1855: 43]. По всей видимости, этими наградами император удостоил хана Аюку за его верную службу в ходе длительной и успешно завершившейся Северной войны, а также за участие калмыцкой конницы в двух русско-турецких войнах.

В шестом часу пополудни Петр I решил прокатить по Волге Аюку и всех его сопровождавших на своем буере. Император лично управлял судном, и калмыки были очень сильно удивлены тем, что оно могло идти против ветра. Когда ветер затих, Петр пересадил калмыцкую делегацию на свою полубаржу, и они отправились в ставку хана Аюки, расположенную на левом берегу. Императора сопровождали только 10 придворных служителей и знатных лиц, а также в охранении была рота гренадер и солдат [Походный 1855: 43–44].

Ханская кибитка была устлана коврами, а ханское место выглядело в виде постели на земле, накрытое зеленым бархатом. Петр I сел на ханское место, а Аюку он посадил возле себя по левую руку. Согласно сведениям из «Походного журнала», в разговоре хан Аюка «тож представлял, что и на судне у Его Величества будучи, и Его Величество ответственал ему тож» [Походный 1855: 44].

Так в разговорах прошли три часа, после чего Петр приказал всем удалиться из кибитки, оставшись наедине с Аюкой, и через переводчика вел с ним секретные переговоры. Вокруг кибитки все это время стояли в охранении вооруженные солдаты [Походный 1855: 44].

После встречи император простился с ханом и отправился к своей полубарже. Аюка извинился перед Петром, что не сможет лично проводить его до берега, «ибо зело стар и от роду ему 75 лет». Сопровождать императора и его окружение до берега отправились сын и внук Аюки. Вернувшись на свою галеру, Петр тотчас отправился в дальнейший путь по Волге [Походный 1855: 44–45].

Весьма любопытное воспоминание оставил другой очевидец — капитан-лейтенант Федор Иванович Соймонов, участвовавший в Персидской кампании Петра I в качестве навигатора и гидрографа. Согласно ему, после встречи с императором под Саратовом хан Аюка был очень доволен этим обстоятельством, и он сказал следующее: «Теперь охотно умру, удостоившись у Великаго Императора столь любезнаго его разговору». Правда, Ф. И. Соймонов посчитал, что на тот момент хану было уже 83 года [Соймонов 1763: 57–58].

Встреча у Черного Яра

Согласно «Походному журналу», после возвращения из Дербентского похода Петр Алексеевич 12(23) ноября рано утром остановился в Черном Яру и на полдня здесь задержался. В это время хан Аюка кочевал возле этой крепости, и он не мог не воспользоваться возможностью новой встречи с императором. На этот раз он прибыл на галеру императора вместе со всем своим семейством [Походный 1855: 68–69].

В. М. Бакунин подтверждает тот факт, что Аюка прибыл на императорскую галеру со всей своей семьей и более подробно пишет о второй встрече, правда, без указания на дату. Согласно ему, Аюка прибыл на галеру к императору уже в сопровождении супруги Дарма-Балы и двух сыновей — Церен-Дондука и Галдан-Данджина. Как и в первый раз, Аюка снова напомнил императору о своем преклонном возрасте и шатком здоровье, попросив, чтобы после его смерти жену и детей содержали в «императорской милости», а Церен-Дондука назначили его преемником. Просьба хана была услышана императором: «И по тому его прошению он, Аюка, и с фамилиею его высочайшею милостию Их Императорского Величества обнадежен» [Бакунин 1995: 35].

Однако Аюка был не в курсе того, что российское правительство по этому вопросу имело другое мнение. В августе этого же года тайный советник П. А. Толстой по поручению императора провел в Астрахани секретные переговоры с влиятельным калмыцким владельцем Дорджи Назаровым, приходившимся хану двоюродным племянником, в результате чего он взял с него «реверс», т. е. обязательство того, что после смерти Аюки его назначат ханом. В благодарность он обязуется быть подконтрольным и предоставит в заложники своего сына [Батмаев 1993: 195].

В 1724 г., после смерти хана Аюки, Дорджи Назаров самоустранился от власти и наместником ханства все-таки был назначен Церен-Дондук, как и хотел этого его отец.

Дж. Белл ничего не сообщает о второй встрече императора и хана у Черного Яра, но очевидно, что в своих воспоминаниях он смешал события двух встреч в одну, которая произошла у Саратова. Можно предположить, что приезд всего семейства хана Аюки, в том числе и ханши Дарма-Балы с дочерью, к императорской галере произошла все-таки не у Саратова, как он упоминает, а именно в Черном Яру. Составители Астраханского сборника, опубликовавшие в 1896 г. извлечение из описания путешествия шотландского врача, в примечании к тексту также отмечали расхождение его сведений и датировки с данными Ф. И. Соймонова [Белль 1896: 230].

Однако Дж. Белл был непосредственным очевидцем встречи Петра I и хана Аюки, и его сведения представляют, действительно, огромный интерес. Вместе с тем вполне вероятно, что он события двух встреч для удобства повествования соединил в одно действие. Таким образом, сопоставив различные источники того времени, получается, что приезд к императорской галере, хана, ханши, ханских двух сыновей и дочери относятся не к июньской встрече в Саратове, а к событию под Черным Яром, состоявшемуся в ноябре 1722 г.

В осеннее время калмыцкие улусы со скотом переходили на зимние пастбища, поэтому неудивительно, что Аюка в ноябре кочевал уже под Черным Яром. В описании Дж. Белла упоминается, что калмыцкий хан прибыл к импе-

раторской галере верхом на лошади в сопровождении двух сыновей и пятидесяти сопровождающих лиц из числа калмыцкой знати. Галера стояла у самого берега, а с ее борта на землю был спущен деревянный настил для удобного подъема гостей.

За 18–19 метров от берега Аюка сошел с лошади, где был встречен тайным советником П. Толстым и гвардейским офицером. Петр I на правах радушного хозяина встретил гостя на берегу и лично поприветствовал хана. Император повел Аюку на свою галеру, где представил его императрице, сидевшей на верхнем помосте под балдахином [Bell 1763: 331–332; Белль 1896: 230].

Здесь стоит отметить, что это описание у Дж. Белла посвящено встрече под Саратовом, но оно не совсем соответствует сведениям из «Походного журнала». Известно, чтобы встретиться с императором, Аюке пришлось переплыть Волгу с левого на правый берег, и он никак не мог подъехать к галере на лошади с двумя сыновьями и большим количеством сопровождающих. Это описание больше подходит именно ко второй встрече, которая состоялась под Черным Яром. И следующий приезд к императорской галере женской половины ханского семейства это только подтверждает.

Согласно Дж. Беллу, ханша Дарма-Бала с дочерью прибыли к галере в закрытой коляске спустя время после приезда Аюки с сыновьями. Их также сопровождали всадники и две молодые девушки. Дарма-Бале на вид было около пятидесяти лет, и, по словам шотландского врача, она имела благопристойный и жизнерадостный вид. По меркам калмыков ханская дочь считалась абсолютной красавицей, с черно-струйными волосами, заплетенными сзади и лежавшими по плечам. Калмыцкие знатные женщины были в длинных платьях из дорогой персидской ткани, а на головах были маленькие круглые шапочки, отороченные дорогим мехом, как это было модно в стране [Bell 1763: 332–333; Белль 1896: 231].

Петр I с императрицей были очень довольны своими гостями и на прощание одарили их дорогими подарками. Например, Екатерина Алексеевна подарила Дарма-Бале золотые часы, инкрустированные бриллиантами, которые ей очень понравились, а также несколько кусков парчи и другие дорогие подарки [Bell 1763: 333; Белль 1896: 231].

Миф или реальность

В работах ряда калмыцких исследователей встречаются довольно любопытные сведения о приезде Петра I в ханскую ставку во время еще их саратовской встречи. Например, М. М. Батмаев в своей книге приводит следующий фрагмент: «В ответ Петр I посетил ставку хана, где пробовал чай с верблюжьим молоком и похвалил необычный для него напиток. Приняв от императора дорогую саблю, Аюка велел находившейся неподалеку группе калмыков стать в кружок и пустить вверх стрелы, которые, упав на землю, также образовали круг. Указывая на саблю и на стрелы, Аюка сказал: „Эта сабля и эти стрелы всегда будут готовы на поражение врагов России“» [Батмаев 1993: 194].

Весь этот текст, кроме самого факта ответного визита императора в ханскую ставку, не подтверждается каким-либо другим источником, а автор, к сожалению, в своей работе не приводит ссылку на первоисточник.

Выяснилось, что данный фрагмент был взят из историко-литературного памятника «Достоверные повествования и речи Петра Великого» придворного токаря Петра I Андрея Константиновича Нартова (1693–1756), который частично впервые был опубликован в 1819 г. в журнале «Сын Отечества». В нашем случае мы используем третье издание рукописи А. А. Нартова, опубликованное в 1891 г. академиком Л. Н. Майковым. Он очень точно озаглавил этот историко-литературный памятник — «Рассказы Нартова о Петре Великом». Для полноты картины будет уместно в статье привести полностью текст «рассказа» А. А. Нартова под номером 98, опубликованный в работе Л. Н. Майкова.

В 1722 году, в июне месяце, император Петр Великий, собираясь из Астрахани в поход к Дербенту, давал аудиенцию прибывшему из заволжских кочевых улусов для учинения всеподданнейшаго поклона хану Калмыцкому, под покровительством России находившемуся, который просил государя и супругу его императрицу Екатерину Алексеевну, чтоб они благоволили осчастливить посещением своим за Волгою, верстах в пятнадцати, его ханское жилище, где он с двадцатью тысячами кибитками подданных своих Калмык кочевал. Его величество, приняв милостиво ханское прошение, на другой день из Астрахани туда отправился, в препровождении Астраханского губернатора, прочаго генералитета, несколько эскадронов драгун и казаков, верхами к хану, а императрица ехала в открытой коляске, везомой шестью персидскими конями. Калмыцкий хан с князьями и чиновниками встретил их величеств версты с три и, потом поскакав наперед к кочевью, у разставленного на возвышенном месте великолепного персидскаго шатра, с женою, детьми и прочими знатными Калмыками, при собрании калмыцкаго войска, по степи засеянного, сих драгоценных и высоких гостей с пушечною пальбою принял. По обычаю своему угощал хан разными яствами и плодами на серебряных лотках, а чихир подносил сам хан и ханка в золотых кубках. Во время обеда император разговаривал с ним о персидских возмущениях, а как речь дошла и до европейских военных дел, то хан рассказывал государю обращения европейских дворов столь обстоятельно, как будто имел с ними сношения. Петр Великий, подивясь такому сведению, спрашивал: чрез кого он сие ведает? «Чрез сего Калмыка», отвечал хан, — «котораго видите позади меня стоящаго. Я посылаю его учиться языкам; он был в Вене, в Париже и в Лондоне; чрез Москву получает он печатные ведомости, переводит на калмыцкий язык и читает мне оныя». Его величество похвалил такое любопытство.

После обеда представил хан императору войско свое на конях, которое покрывало все поле на пространство, едва-едва глазом объять могущее. Калмыки по обряду своему делали копыями экзерсии и из луков кидали стрелы столь проворно и метко, что его величество немало сим забавлялся и сам с ханом стрелял из лука. Потом пожаловал хану саблю, украшенную алмазами, которую хан поцеловал и, обнажив, велел Калмыкам составить круг. По возгласу его, одним разом из луков вылетала тьма стрел, в верх воздуха пущенных, и Калмыки с ужасным криком императора поздравляли, при чем хан, поклонясь его величеству, говорил: «Сия сабля и пущенные стрелы всегда со мной готовы против неприятеля; вели только, и поражу».

Петр Великий, доволен будучи усердием ханским, велел Астраханскому губернатору подать привезенный штандарт, на котором на одной стороне изображен был российский герб, а на другой — вензелевое знамя его величества, и, в виду всего калмыцкаго войска хану вручив, сказал: «Сие знамя хану

и войску его жалую за усердие, в знак покровительства». Потом подарил ему перо страусово в шапку, бархатом малиновым покрытую соболью шубу и парчевой кафтан, чиновным людям — по суконному красному кафтану, а войску его велел чрез губернатора раздать двадцать тысяч рублей. Императрица же пожаловала ханше пояс парчевой с изумрудною пряжкой, кисть жемчужную на шапку да несколько кусков парчи и шелковых материй [Майков 1891: 66–68].

Проанализировав это историко-литературное произведение, Л. Н. Майков пришел к выводу, что не менее 35 из 162 «рассказов о Петре Великом» могут иметь отношение к воспоминаниям А. К. Нартова. Большинство «рассказов» позаимствованы из устных преданий того времени или печатных изданий 1725–1772 гг. [Майков 1891: VI–VII].

В 2001 г. была опубликована архивная черновая рукопись «Рассказов Нартова о Петре Великом» [Нартов 2001], которая подтвердила версию Л. Н. Майкова об авторстве источника сына царского токаря — А. А. Нартова. Датировка рукописи была отнесена к первой половине 1786 г., т. е. спустя 30 лет после кончины Нартова-старшего и через 61 год после смерти российского императора, а ее сочинитель даже исправлял речи Петра I.

Сравнив три редакции рукописи А. А. Нартова, П. А. Кротов пришел к выводу, что в данном сочинении «заметна эволюция от жанра исторического анекдота к небольшим повествовательным рассказам» [Кротов 2014: 164–166].

Долгие годы историки и другие исследователи безоговорочно цитировали «Рассказы Нартова» как исторический источник. Сегодня историко-литературное произведение А. А. Нартова исследователи используют достаточно избирательно, и не все из них включают в свои труды, цитируя тот или иной исторический анекдот [Кротов 2014: 166].

В нашем случае также стоит с осторожностью цитировать это историко-художественное произведение при изучении или освещении темы встречи Петра I и хана Аюки в 1722 г. Как мы видим из текста «рассказа Нартова», фактологически он серьезно противоречит вышеизложенным источникам. Например, согласно ему, выезд императора в ханскую ставку происходит не из Саратова, а почему-то из Астрахани в сопровождении императрицы и астраханского губернатора А. П. Волынского, которые как раз и не фигурируют в «Походном журнале». Ханская кибитка представлена уже «великолепным персидским шатром». Многие довольно яркие подробности встречи в ханской ставке из «рассказа Нартова» никак не подтверждаются сведениями других очевидцев.

Заключение

Тема встречи российского императора и калмыцкого хана на Волге в 1722 г. обросла не только историческим фактами, но и, к сожалению, многими «мифами и легендами», которые активно публикуются и тиражируются в СМИ и Интернете. Поэтому исследователям в этом вопросе нужно опираться на широкий круг источников, которые могут дополнять друг друга или противоречить им.

Источники личного характера XVIII–XIX вв. не дают нам ответы на многие вопросы, а зачастую порождают новые и создают сложности в правильной

реконструкции исторических событий. Но источниковая база весьма обширна и требует своего более тщательного исследования. В первую очередь это касается архивных документов, которые могут значительно дополнить сведения об этом событии и поставить окончательную точку в расхождении различных фактов в этом вопросе. Таким образом, результаты данной публикации о встрече Петра I и хана Аюки на Волге в 1722 г. можно считать пока промежуточными, поскольку в дальнейшем предстоит более тщательное изучение материалов «Калмыцких дел», хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи.

Источники

Походный 1855 — Походный журнал 1722 года. СПб.: [б. и.], 1855. 197 л.

Sources

The Camping of 1722: Operations Record Book. St. Petersburg, 1855. 197 p. (In Russ.)

Литература

- Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках: события, люди, быт. В 2 кн. Элиста: Калмкнигоиздат, 1993. 381 с.
- Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
- Белль 1896 — *Белль Дж.* Извлечение из описания путешествия (1716–1722 гг.) // Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Вып. 1. Астрахань: Петровское Общество Н. И. Артемьева, 1896. С. 219–236.
- Кротов 2014 — *Кротов П. А.* Рассказы Нартова о Петре Великом (русский исторический анекдот XVIII в.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. 3. С. 157–167.
- Майков 1891 — *Майков Л. Н.* Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1891. 138 с.
- Митиров 2002 — *Митиров А. Г.* Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.
- Нартов 2001 — *Нартов А. А.* Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи) / подготовка текста рукописи и приложений, вступ. ст. П. А. Кротова. СПб.: Историческая иллюстрация, 2001. 160 с.
- Пальмов 1929 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 3–4. Астрахань: Издание Калм. Обл. Исп. Комитета, 1929. 391 с.
- Соймонов 1763 — *Соймонов Ф. И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1763. 380 с.
- Сусеева 2003 — *Сусеева Д. А.* Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосociологического исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.
- Тепкеев 2018 — *Тепкеев В. Т.* Участие калмыков в Дербентском походе 1722 г. // Oriental Studies. 2018. № 3. С. 15–22. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-15-22
- Цюрюмов 2005 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. Элиста: АОР «НПП «Джангар», 2005. 160 с.
- Шовунов 1992 — *Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: Союз казаков Калмыкии; КИОН, 1992. 320 с.
- Bell 1763 — *Bell John.* Travels from St. Petersburg, in Russia, to diverse parts of Asia.

Glasgow: Printed for the author by R. and A. Foulis, 1763. Vol. 2. 442 p. (In Eng.)
[электронный ресурс] // University California Libraries. Added date: May 14, 2008.
URL: <https://archive.org/details/travelsfromstpet01bell/mode/2up> (дата обращения: 20.12.2021).

References

- Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords. 2nd ed. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. The Kalmyks, 17th–18th Centuries: Events, Personalities, Household Life. In 2 vols. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 381 p. (In Russ.)
- Bell J. An excerpt from [his] Travels (1716–1722). In: Astrakhan Collection by Peter the Great Society for the Research of Astrakhan Region. Vol. 1. Astrakhan: Artemyev Peter the Great Society, 1896. Pp. 219–236. (In Russ.)
- Bell J. Travels from St. Petersburg, in Russia, to Diverse Parts of Asia. Glasgow: R. and A. Foulis, 1763. Vol. 2. 442 p. (In Eng.) On: University California Libraries. Posted on May 14, 2008. Available at: <https://archive.org/details/travelsfromstpet01bell/mode/2up> (accessed: December 20, 2021). (In Eng.)
- Krotov P. A. Nartov's stories about Peter the Great (The Russian historical anecdote of the XVIII century). *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda (Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences)*. 2014. No. 3. Pp. 157–167. (In Russ.)
- Maikov L. N. Nartov's Stories about Peter the Great. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1891. 138 p. (In Russ.)
- Mitirov A. G. Oirats — Kalmyks: Centuries and Generations. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 384 p. (In Russ.)
- Nartov A. A. Stories about Peter the Great (The Author's Manuscript). P. Krotov (foreword, ed.). St. Petersburg: Istoricheskaya Illyustratsiya, 2001. 160 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. The Volga Kalmyks: Historical Essays. Parts 3–4. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1929. 391 p. (In Russ.)
- Shovunov K. P. Kalmyk Cossacks of Russia, Mid-17th – 19th Centuries. Elista: Cossack Union of Kalmykia; Kalmyk Institute of Social Sciences, 1992. 320 p. (In Russ.)
- Soimonov F. I. History of Emperor Peter the Great's State: A Description of the Caspian Sea and Related Russian Conquests. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1763. 380 p. (In Russ.)
- Suseeva D. A. Letters by Khan Ayuka and His Contemporaries, 1714–1724: A Linguosociological Study. Elista: Dzhangar, 2003. 456 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Kalmyks in the Derbent campaign of 1722. *Oriental Studies*. 2018. No. 3. Pp. 15–22. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-15-22
- Tsyuryumov A. V. Kalmyk Khanate in 1724–1741: Chronicles of Dynastic Feuds. Elista: Dzhangar, 2005. 160 p. (In Russ.)